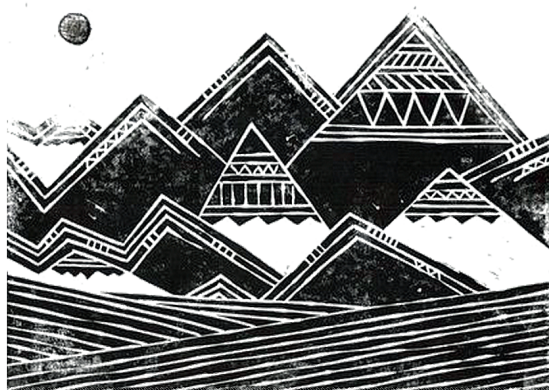

ГЕОРГИА ТԵՄԻԵՏԱՍԻ

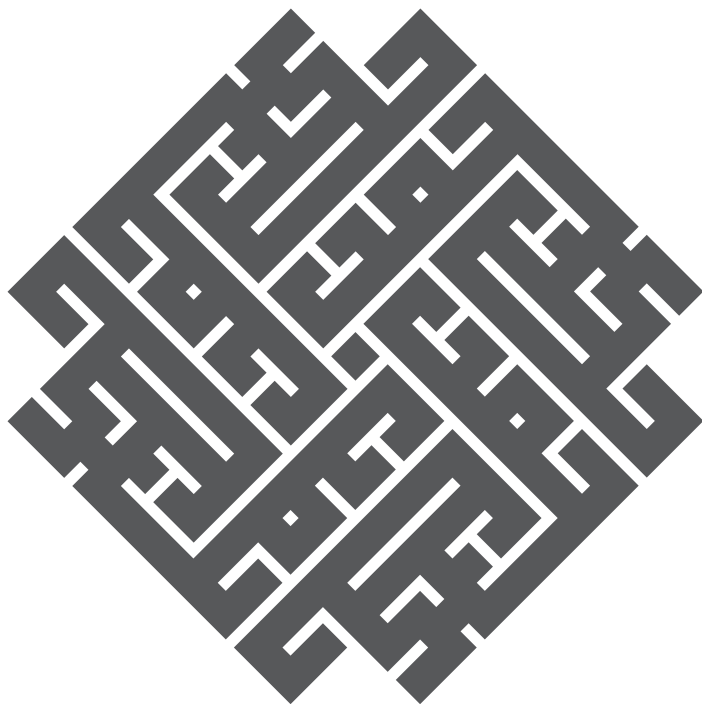
ХРАНИТЕЛИ САРНИ НАԻՆ

ТРОПОՆ ԹԱԻՆԳՆՈՒ ԱՏԱՆԱ

ԿՈՒՍԱ ՎՏՐԱԿ

ПЕРВАЯ ГЛАВА
ДУХИ ПРЕДКОВ

ХЭДЭГ

ХЭ — страстное стремление, боевой дух, мужество, страсть, сильное чувство. ДЭ — желаемое, желать.

Они опять пришли ночью. Встали у порога, словно не решаясь переступить некую невидимую черту, отсекающую мир живых от своего мира мертвых. Некоторые из них с любопытством оглядывали спартанское убранство моей спальной комнаты, кто-то вперился темными глазницами в висящий на стене мой Бубен с четками, которые я получил от бурятского шамана, живущего неподалеку от Байкала. Остальные с ожиданием во взоре смотрели прямо на меня. Собственно, эти пристальные взгляды и разбудили меня в промежуток между двумя и тремя часами ночи или утра. Час Быка...

В крошечной тьме, укрывшей дом, я видел их всех совершенно иным зрением, тем самым, которым научился смотреть на наш мир, когда находился за его гранью. Это странное приобретение временами мешало (когда, например, приходилось крутить баранку машины), но в основном служило добрую службу, особенно в моменты, сопряжённые с контактами с различными, не вполне приятными для меня людьми и явлениями.

Странное чувство испытываешь, разговаривая с человеком, желающим понравиться тебе, стремящимся даже обаять и максимально сблизиться... и вот ты уже практически подпадаешь под его

чары, но тут включается иное зрение, которое показывает тебе, что истинные намерения собеседника далеки от искренности, а его великолепная актерская игра — всего лишь средство, помогающее ему достигнуть совершенно другой цели.

Именно поэтому я никогда не прибегаю ко лжи. Потому что даже малая ложь, произнесённая, как говорят, «во благо», мгновенно замутняет окружающее пространство, заставляя глаза рефлекторно смазывать без какого-то видимого внешнего эффекта.

Они всегда приходят без предупреждения. Просто воздух словно бы сгущается, по нему пробегает рябь, похожая на проявляющуюся голограмму. И вот уже сонм духов толпится у порога комнаты, церемонно ожидая, когда ты обратишь на них внимание...

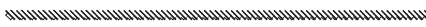
- Варган или Бубен?
- Бубен...
- Переход в мир Предков или к живым?
- Воплощение...

Понятно. Можно обойтись без огня. Смазываю ароматным маслом кожу Бубна вокруг обечайки, оглаживаю его, капельку масла даю Онгону, притороченному к небесному участку Ярара. Он сегодня будет проводником для Души, собирающейся воплотиться в Срединном мире.

ТУММММ! Каждый участок Бубна имеет свой неповторимый звук, вызывающий разные вибрации в разных частях моего тела. Сегодня вибрирующая плотность создаётся в районе Зарода — солнечного сплетения.

ТУМ-ТУМММ! Пространство вокруг уплотняется в кокон, в который сверху ниспадают светящиеся нити, непрерывно ткущие это уплотнение. Потолок дома словно бы исчезает и я вижу, как сквозь него начинают проглядывать звезды костров Верхних Селений Предков.

ТУМММ! Бодрящимся изо всех сил разумом я понимаю, что это всего лишь поэтический образ, в который моё сознание пытается облечь труднодостижимое явление или дей-

ство, которое сейчас и в этот момент разворачивается перед моим внутренним, иным взором.

ТУМ-ТУМММ! Внезапно от одного из костров вниз, к земле, срывается огненная искра и стремительно летит, озаряя пульсирующим светом черноту ночи. И почти сразу же, следом за ней, сигает еще одна искра. Ого! Такого двойного явления мне еще не доводилось видеть. Что-то будет?

ТУМММ! Бубен вибрирует, и мне кажется, разогревается в моих руках. Онгон оживает. От него начинают исходить световые сполохи, которые я вижу все тем же иным зрением. Духи за порогом приходят в движение, видно, что они обмениваются между собой какими-то восторженными мыслями и образами. Я не успеваю их выхватывать из общего потока, поскольку мне нельзя отвлекаться от происходящего здесь и сейчас таинства воплощения новых жизней...

Рокот и вибрации остывают. Сполохи гаснут. Я слышу нечто, напоминающее эманации приятия и благодарности, исходящие от моих посетителей. Они медленно растворяются в сгущающейся темноте.

Зажигаю свет и вновь протираю Ярар маслом, не забывая поблагодарить Онгона. Вешаю их на стену, туда же уместаются мои чётки. Сажусь и жду вестей... Их пока нет. Они будут чуть позже, когда меня разбудит телефонный звонок, и радостный голос моей старенькой матери известит меня о том, что я дважды стал дедушкой, а она — прабабушкой...

Я размышляю о том непостижимом явлении, которое меняет окружающую меня реальность. Все меньше становится нитей, крючков и зацепок, удерживающих меня в этом матричном мире.

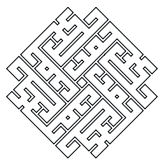
Как-то совершенно спокойно и бесппроблемно разладились псевдодружеские связи, но зато укрепились другие, которые даже не дружеские, а скорее относящиеся к областям духовного родства. Сама собой отвалилась работа, которая когда-то была интересной и захватывающей, но в последнее время превратилась в конвейерную рутину.

Ушел в небытие целый пласт каких-то формальностей, бумаг, деловых и бюрократических привязок. При этом каким-то, порой совершенно фантастическим, образом стали появляться необходимые материальные ресурсы: сегодня у меня в кармане всего пятьдесят рублей, а завтра — уже пятьдесят тысяч... Нет, они не падают с неба, просто зарабатывать их стало намного проще с меньшими энергетическими затратами.

И теперь я с интересом наблюдаю, как во время моей очередной поездки по стране, девочка в полицейской форме, проверяющая документы у пассажиров, идущих на посадку в самолет, с изумлением смотрит в мой паспорт, потом на меня, и задаёт (с неприкрытым ужасом в голосе) вопрос: «А у вас что, прописки нееет???» Нет у меня прописки, дорогая моя. Я здесь и одновременно нигде. С точки зрения государственной бюрократической машины я — асоциальный тип, бомж. Потому что любая привязка к этому миру вызывает раздражение и непонимание тех, кто приходит ко мне по ночам, в неурочный час...

Потому что сегодняшнее мое стремление, мой дух, моё мужество, моя страсть, и все остальные сильные чувства подчинены лишь одному желанию — как можно дальше находиться от гирь этой материальной матрицы, и как можно ближе — к тому нежному и ароматному миру образов, по которому водил меня когда-то алтайский шаман...

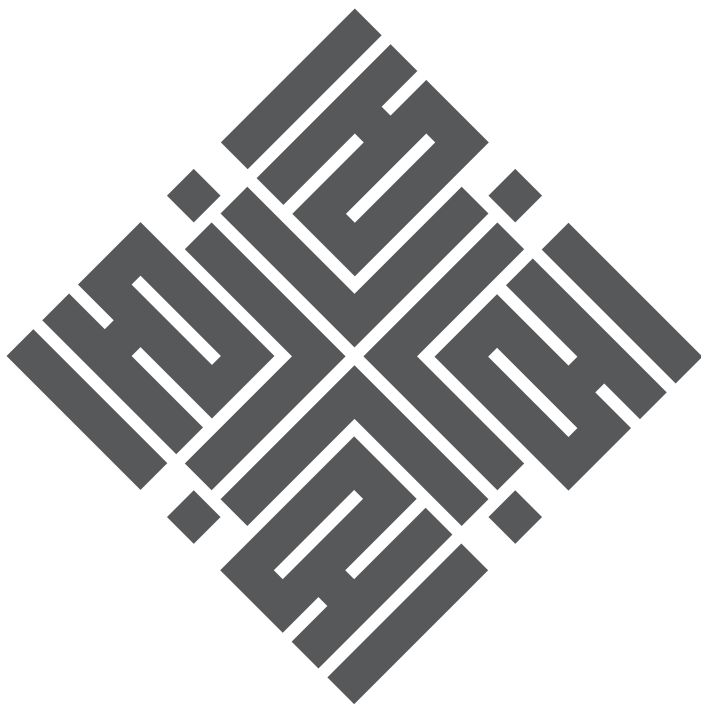
ХЭДДЭ!

ВТОРАЯ ГЛАВА

ТРОПА ТАИГИ

НЕОЖИДАННОЕ
ЗНАКОМСТВО

Третий день мы продираемся сквозь совершенно непролазную чащобу плотной североуральской тайги. Нашим постоянным сопровождающим аккомпанементом является хруст валежника под ногами и надоедливое зудение комаров рядом с ушами. А в голове крутится извечный вопрос: что жрут комары в тот самый момент, когда в тайге рядом с ними никого нет? Наша маленькая экспедиция состоит из четырёх человек: трое хантов — дядя Коля, его сын Алексей, дяди Колин друг — дядя Петя и ваш покорный слуга. С нами — две умные хантыйские лайки породы сибирской хаски. Знакомство с хантами произошло совершенно случайно на первый взгляд, но вы уже знаете, что ничего случайного в этом мире не происходит...

За полтора года до описываемых событий я сидел на вокзале в маленьком древнем уральском городишке и ждал пригородный поезд, который должен был отвезти меня к моей старенькой матушке. По соседству со мной вольно расположился молодой здоровенный детина, чистокровный уральский русак на первый взгляд: под два метра ростом, светловолосый, сероглазый, с носом-картошкой. Одет он был по-походному — в камуфлированный непромокаемый костюм и шнурованные ботинки-берцы. Рядом с ним стоял столитровый станковый рюкзак и зачехлённое ружье.

«С охоты едет, — подумалось мне. — Или на охоту». Заинтересованно разглядывая парнягу, я заметил, что он особым образом держит голову, слегка морщась во время поворотов шеи, и харак-

терным образом сутулится. Дождавшись, когда наши взгляды пересеклись, я кивнул ему и спросил:

— Что, дружище, хондроз замучил?

Ответом мне стал изумлённый взгляд парня...

— А ты откуда знаешь?

— Просто вижу...

— Да вот, продуло меня что ли, шея совсем не поворачивается. Больно...

— Это легко поправимо...

— Да ну?! Давно маюсь с этим делом, замучился... Стоит только чуть застудиться или неудобно поспать и — все, приехали...

— От этого можно избавиться насовсем. Только необходимо немного собой позаниматься и потом регулярно делать определённые упражнения.

— Вот как? Слушай, а может быть, ты мне покажешь, что и как? До поезда еще часа полтора. Успеем?

— В принципе, да... Успеем! Ты куда едешь то?

— Да к отцу, в Посёлок... — и парень называет ту самую деревню, куда и я держу свой путь!

— Ха! И я туда же еду, к матери.

— Попутчики, значит? Меня Лёха зовут...

— Гор...

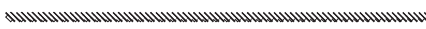
— Странное имя...

— Это сокращённое от Георгий. Просто друзья меня зовут именно так.

— Хорошо, пусть будет Гор. Хотя, я как твою шапку увидел, то сразу тебя мысленно назвал Колымагиным.

И Лёха заразительно хохочет, непосредственно указывая пальцем на мою спортивную шапочку, на которой белыми буквами отпечатано слово «Колыма».

У парня звонит телефон, он достаёт его из кармана, и вдруг начинает говорить на каком-то странном лесном языке. Если бы звери владели даром речи, они бы, наверное, разговаривали именно так. Заворожённо слушаю непо-

нятный язык и одновременно ощущаю какой-то внутренний диссонанс: вот передо мной сидит славянской внешности парень, но разговаривает на каком-то удивительном наречии, аналогов которого я никогда в своей жизни не слышал. Более чем странно! Так же странно было мне, когда я общался с чукотскими чуванцами, — по всем внешним признакам явными европеоидами, с примесью чукотской крови, о которой свидетельствовали выдающиеся скулы и слегка раскосые глаза. Но цвет глаз при этом был серым! Наконец, парень заканчивает разговор и убирает мобильник в карман куртки.

— Послушай, Лёш, а ты кто по национальности?

— Я-то? Хант!

— Ха-а-ант? Да ну? А по виду — чистый славянин, уральских кровей...

— Не-е-е, правда, ханты мы! И отец мой хант, и дед. И мать с бабушкой. Ну а внешность... Разные мы бываем. Многое от рода зависит. Есть и черноволосые, и узкоглазые ханты. Разные роды, разная кровь... Мы — вот такие...

— Ладно, Лёшка, с национальностью разобрались, давай займёмся твоим хондрозом...

Спустя два часа мы уже едем в поезде, разговаривая о разных, интересных нам обоим, вещах. Лёха трещит без умолку, и с удовольствием крутит шей, которая у него уже не болит после моего «рукоприкладства». За ближайшие полчаса я услышал краткую историю их рода, описание принадлежащих ему охотничьих и пастбищных угодий, весьма эмоциональную характеристику нефтяников, которые постоянно зарятся на их земли (тут Лёха адресует пространству большую и значимую фигу) и ряд лестных эпитетов в мой адрес после успешного исцеления его болячки.

— Слушай! Приедем в Посёлок, обязательно приходи к нам в гости! С родителями познакомлю. И ещё, это... Посмотришь отца с матерью? Они со спинами маются уже несколько лет, смотреть на них больно... Посмотришь?

— Не вопрос! Конечно, посмотрю...

— Вот это будет здорово! А мы тебе поляну накроем! Так тебя угостим, ты таких кушаний в жизни не ел! — И Лёха опять громко и заразительно хохочет, вызывая невольные улыбки других пассажиров...

— Да я много чего ел. Давно на севере живу. Вряд ли чукотская, чавчуженская или эвенская кухня чем-то принципиально отличается от вашей...

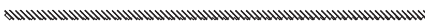
— А вот мы и проверим...

Ещё через несколько дней, после исцеления Лёхиных родителей, я испытал на себе все прелести хантыйского гостеприимства и хлебосольства. После выхода в свет первой Тропы («Хранитель Севера»), многие читатели забрасывали меня комментариями и репликами, которые имели прямое отношение к описываемым блюдам и рецептам северной кухни. Прямо скажем, большинство этих комментариев были шуточно-ругательными, мол, как можно описывать ТАКОЕ? Городским жителям читать все эти кулинарные описания просто смертельно опасно!

Корректор издательства, вычитывавший рукопись, жаловался мне в письме, что в период читки поправился на несколько килограммов, поскольку периодически был вынужден совершать рейды к холодильнику, когда терпеть это гастрономическое издевательство со стороны автора было не вмоготу. Но автор склонен скрупулёзно точно описывать все кулинарные нюансы национальной кухни, поэтому особо впечатлительным читателям рекомендует просто перевернуть эту страницу, не читая...

Итак... За хлебосольным столом в доме семейства хантов мне настоятельно рекомендовали попробовать хотя бы «по чуть-чуть» всё то, что наготовила тётя Зина, добродушная матушка моего неожиданно обретённого приятеля.

Это «чуть-чуть» состояло из огромной миски пельменей из сохатины пополам с сохатиным же салом, кастрюли с наваристой шурпой из рябчиков, которой можно было накормить с добрый десяток человек, копны вяленой олени-

ны, стопки обычных уральских блинов, к которым органично подошла банка моей колымской лососевой икры, вязанки вяленой и слегка подкопченной стерлядки, горки солёных бочковых огурцов, многочисленных розеток с какими-то разнообразными вареньями и джемами из местных ягод и яблочек-ранеток, глубокой чашки с солёными груздями (моего любимого кушанья!) и такой же чашки с маринованными опятами, вездесущего «уральского салата» (вареная картошка, соленые грузди, рубленый зеленый лук, подсолнечное масло), разнообразных кувшинов с квасом и домашними соками из яблок, смородины, калины, и — как венец всего — глубокой тарелки, в которой красовался озёрный окунь ямного посола. Даже если все это попробовать «почуть-чуть», то можно было умереть тут же за столом от обжорства.

Поэтому я более всего налегал на неизвестную мне доселе стерлядку, любимые свои оленину (она по вкусу оказалась отличной от нашей, колымской), грузди, ну и конечно же окуня. При этом слушал подробный рассказ дяди Коли (отца Лёхи) о том, как солится этот самый окунь:

— Перво-наперво, Колымагин, на берегу окупёвого озера копам (ударение на втором слоге) большу яму. Дно выстилаю досками и кладём на доски чистую, промытую и высушенную мешковину. Стенки ямы закрываю плетенкой из ивы или, если некогда, просто доской. Ставим сетку в озеро и окуня имам. На дно ямы сыплем соль, потом рыбу: слой соли, слой рыбы, слой соли, слой рыбы, и так до самого верху. Засыпаю всё солью, а поверх кладём доски, на доски — тяжёлые камни калёные, и сверху все засыпаю землёй и оставляю так на 40 дней. Потом раскрываю яму и перекалдываю окуня в ящики и коробки. Потому и называется он так — ямный посол! Соль съедат всю слизь и кровь, и рыба получаца чистая, серебряная, да ладная. Чистим её от чешуи, снимаю шкуру и нарезаю тонкими пластами в чашку. Промываю водой от лишней соли, сверху — лучок, маслице, малость

сбрызгиваем уксусом, перемешивам и — пальчики облизы-вам! От так от! Лучшей закуси нет на свете!

Дядя Коля зажмурившись, крепко крикает, словно бы опрокинул чарку самогона, хотя он не пьющий и не курящий дед. Ему на вид не дашь больше шестидесяти, хотя на самом деле он уже перешагнул за половину восьмого десятка. Он пониже сына примерно на голову, да зато в плечах шире его раза в полтора...

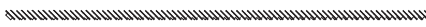
— Дры-ыщ! — смеётся дядя Коля, похлопывая Лёху по спине. — Но ходок, правда, знатный! Я уже за ним на охоте не угонюсь, бегат как сохатый по тайге...

— Дядя Коля! Так ты еще и на охоту ходишь? — изумлённо вопрошаю деда.

— Хант без охоты — не хант! — горделиво отвечает мне 75-летний старик, — Конечно, Колымагин, хожу! И на охоту, и на рыбалку. Сына быстрее меня бегат, зато вот пацан-от мой вровень со мной идёт, не обгонят...

«Пацаном» дядя Коля называет своего закадычного друга — дядю Петю, 65-летнего ханта, такого же страстного охотника и рыбака, как и он сам. Дед Петя мягко улыбается, слушая, как беззлобно балагурит его приятель, и подтверждая кивает головой: да, верно, мол, не обгоняю, вровень ходим. Он молчун, дядя Петя, за весь вечер может и сказал-то всего два-три слова. Больше улыбается и молчаливо кивает головой в знак согласия, или покачивает из стороны в сторону, если не согласен...

В течение полутора лет в разное время было несколько таких вот душевных встреч-посиделок в гостеприимном доме уральских хантов. Кличка «Колымагин» окончательно закрепилась за мной, как своеобразная верительная грамота. Мои целительские способности и умение «делать погоду» пользовались непререкаемым авторитетом, а рассказы о путешествиях по другим северным краям — неизменным успехом и вниманием. Во время своих приездов я привозил свои гостинцы — красную икру, юколу, копченый нерпичий жир

и вяленую корюшку, а увозил от хантов коробку с окунем ямного посола, бутылки с соком из местных ягод, банки с солеными груздями. Этот натуральный обмен превратился в целый веселый игровой ритуал, к равному удовольствию обеих сторон.

Мы постепенно сходились в этой неспешной науке познания друг друга, присматриваясь, обмениваясь ключевыми репликами, смотрели на реакцию на те, или иные заявления. И вдруг в один из своих приездов, за вечерним чаем дядя Коля как то по-особенному сказал: «Колымагин... А приезжай-ка ты этой осенью. Поедешь с нами на наши родовые земли, в тайге поживёшь, порыбачишь... А если повезёт, так и с нашей Королевой познакомишься...». И он загадочно и значительно замолчал.

Рой мыслей стремительно пролетел в моей голове: «Приглашение — это неспроста... Ясное дело! Интересно, что за королева? И откуда у хантов королева? Лесной ведь народ... Чего замолчал старый хант? Прикидывает словно что то... Странно, он с такой значимостью в голосе сказал про неё, словно бы она у них какая-то живая святыня...»

— Дядя Коля, — наконец решаюсь нарушить наше затянувшееся молчание, — а что за королева у вас такая?

— Да не королева она, на самом деле. Это мы её про-меж себя так зовём... В шутку. — Однако на лице хантыйского деда нет ни тени улыбки. Он серьёзен как никогда, словно бы стоит на пороге принятия важного решения.

— Не королева? Тогда кто она? И почему я должен с ней знакомиться?

— Потому что вы с ней... Вы с ней словно бы одного поля ягода. Или как пара ичиг — только одна — правая, а другая — левая...

— Не понимаю, что ты имеешь ввиду...

— Да что тут понимать? Вот ты вроде с виду — человек как человек, смеёшься, истории разные рассказываешь... интересные... А иногда вроде как на тебя под каким-то другим углом глянешь, а ты совсем другой, не такой как мы...

— Так я действительно не такой. Вы — ханты, я кержак, ваша земля — в лесу, моя — в горах и тундре... Другая кровь, другая нация...

— Да причём тут это? — Дядя Коля морщится, словно у него внезапно заболел зуб. — Я про другое говорю... Временами ты ведешь себя так, словно ты — это Она! Даже манера разговора похожа! И в такие моменты меня мороз по коже продирает...

— Да кто же она такая?!

— Она... — голос старика внезапно стал торжественным и звонким — Она — Хранительница.

— Вот как? И что же она хранит?

— А хранит она то, что вы уже почти тысячу лет ищете, да найти никак не можете...

— Какими-то загадками ты, дед, говоришь... Что мы ищем, и кто это — мы?

— Ну, вы! Белые люди, казаки, ученые, историки, эти, — как их би мать звать?, — а, вот, — археолухи!

— Подожди, подожди... Ты говоришь о...

А дед, перебивая меня, вдруг начинает высоким, театрально-комическим завыванием, зачитывать на память какой-то древний текст:

«Богине древней, нага с сыном на стуле сидящая, приемлюще дары от своих, и дающе ей остатки во всяком промысле, а еже кто по обету не даст, мучит и томит, а хто принесет жалеючи к ней, тот пред ней пад умрет, имеща бо жрение и съезд великий. Егда же вниде им слух приезд Богдана, велела спрятаться и всем бежати, и многое собрание кумирское спрятаща и до сего дни».

А потом, переведя дух, продолжает уже писклявым придурочным голосом, копируя, видимо, одного ему известного рассказчика из местных:

«Давно-давно гора ходи нельзя было. Кто ходи, тот хвораи долго и умирай. Старый люди говори — там пупы стоял, Сони Эква, Золотой баба. Страшно было близко гора ходи. Баба шибко кричал. Люди говори страшный голос».